

УДК 091

Чеботарев А.Н.

Московский педагогический государственный университет

**МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: «ТЮРЬМА НАРОДОВ»
ИЛИ «МОДЕЛЬ МИРА»?**

A. Chebotarev

Moscow Pedagogical State University

**MULTINATIONAL RUSSIA: "PRISON OF THE PEOPLES"
OR "MODEL OF THE WORLD"?**

Аннотация. Главная задача данной публикации – ответить на проблемный вопрос: почему многонациональность в стране из очевидного фактора силы превратилась в фактор слабости государства. Особое значение имеет переосмысление исторического опыта существования русской нации в рамках российской государственности. С начала имперского строительства историю русского народа сложно вычленивать из истории многонационального государства. Если народы, вошедшие в состав Российской империи, как правило, сохраняли свой язык и культуру, то процесс становления русского национального самосознания осложнялся вполне очевидной размытостью территориальных, языковых и социокультурных признаков русской нации. Преодолению данной тенденции может способствовать объективное изучение истории русского народа в контексте национальной политики России.

Ключевые слова: национальная политика, империя, «русский вопрос», национальная элита, этнические противоречия.

Abstract. this article a comprehensive analysis of the current model of national policies in Russia. The central purpose of the publication – answer a problematic issue: why diversity in the country of obvious factors force became a factor of weak States. Of particular importance is redefining the historical experience of the Russian nation as part of Russian statehood. Since the beginning of Imperial construction history of the Russian people is difficult to disentangle from history of the multi-ethnic State. If inorodtsy who were part of Russian Empire tended to retain their language and culture, the development of Russian national identity complicated by apparent vagueness of territorial, linguistic and sociocultural characteristics of the Russian nation. Overcoming this trend could lead to an objective examination of the history of the Russian people in the context of national policy.

Key words: national policy, Empire, "the Russian question", the national elite, ethnic strife.

Комплекс накопившихся противоречий в национальном развитии современной России представляет собой серьезную деструктивную силу, способную поставить под вопрос территориальную целостность страны. В большинстве случаев сепаратистские настроения основываются на предвзятых оценках исторического прошлого. Формирование тенденциозных представлений об исключительно и только насильственном присоединении национальных окраин к России имеет огромный разрушительный потенциал, который нельзя недооценивать. Конъюнктурные интерпретации национальной политики способствуют накоплению негативных знаний об историческом прошлом, создают миф об «имперских амбициях» России, формируют негативные стереотипы о русском национальном характере [19, 55].

Становление российской государственности на Евразийском континенте в общих чертах завершилось к концу XIX в. К этому времени Россия представляла собой самобытное централизованное государство, объединявшее десятки народностей, заселявших пространство от Восточной Европы до Дальнего Востока. Главная причина относительного успеха курса национальной политики России заключалась в гражданском приобщении иноэтнических сообществ, создании условий для их «слияния с остальными подданными...»¹, тогда как в других имперских объединениях (например, в Британской империи) практиковалась экономическая и политическая эксплуатация колониальных окраин [6, 35].

© Чеботарев А.Н., 2011.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667.

Уникальность российской имперской модели состоит в том, что присоединение новых территорий с иноэтническим населением происходило в стратегических интересах государства, а не русского народа, на долю которого выпадали основные тяготы имперского освоения пространства. Статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности [15, 29; 16, 31]. Более того, в ряде случаев, например, для калмыков, башкир, ногайцев, крымских татар, народов Северного Кавказа, «с учетом их нужды», они были существенно уменьшены особыми распоряжениями [27, 165; 8, 214]. Даже известный своими резкими оценками «имперского прошлого» России публицист А. Авторханов вынужден был признать, что «от внешних завоеваний русский народ не богател, как западные народы от их колониальных грабежей» [1, 199].

В полном соответствии с российской имперской традицией при введении русского управления в Дагестане в 1860 г. Главным штабом Кавказской армии было предусмотрено освобождение всех народов края от взноса податей на три года. [31, 75]. Как правило, такая мера распространялась на все земли, принимавшие подданство России. [30, 566]. Налоговые льготы инонациональным сообществам, которым могло позавидовать русское население центрального региона, являлись важной мерой сохранения территориальной целостности России. Например, армянские поселения на Северном Кавказе получили освобождение «... от государственных податей и службы на 10 лет, а от дачи рекрут и складочных на них денег вечно» [4, 44]. В 1897 г. в Западном крае был отменен особый налог с земледельцев польского происхождения, введенный в качестве репрессивной меры после восстания 1863 г. [20, 84]. Казахское население в Степном крае выплачивало повинности в 5,4 раза меньше сибирских казаков и более чем в 2 раза меньше – русских крестьян [23, 25]. Не случайно В.И. Вернадский подчеркивал, что «для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан не бесправные колонии» [3, 8].

В колониальной зависимости от России никогда не находилась северо-западная периферия империи. И хотя центральные области России, особенно обе ее столицы, переживали стремительный хозяйственный, социальный и куль-

турный подъем, все же и Царство Польское, и Финляндия, и Прибалтийские провинции сохраняли явное преимущество в социально-экономическом и социально-культурном уровне развития. Эти регионы использовали для нужд своей экономики российский рынок сбыта и импорт сырья из России. По состоянию и уровню развития сельского хозяйства большинство регионов на западе и юге империи также отличались в лучшую сторону от российского центра и от областей на востоке страны.

В отечественной историографии широко утвердилось мнение о том, что по ряду основных показателей инонациональная периферия находилась в более привилегированном положении по сравнению с русским центром [25, 78]. На многие ее регионы в свое время не распространялось крепостное право, рекрутская повинность, соблюдалась нерушимость традиционных хозяйственных устоев [8, 214-215]. Как удалось установить С.В. Лурье при изучении отечественного имперского феномена, на российских окраинах «...все отрасли промышленности, ...экономика..., почти все командные должности гражданские и военные, юриспруденция, образование, печать – были в руках у местной элиты» [12, 127].

В процессе имперского строительства русская нация начинает рассматриваться не как самостоятельная национальная величина, а как ядро российской государственности, выполняющее отведенную социально-политическую, экономическую и ассимиляторскую роль. Не всегда эта роль отвечала истинным национальным интересам русских, что и обусловило собой возникновение так называемого «русского вопроса».

Различие целей русского народа и российского государства точно отметил В.Д. Соловей: «Государство питалось русской силой и беспощадно эксплуатировало ее: русские низы не имели никаких этнических преференций и несли основное государственное тягло. Тяжесть эксплуатации увеличивалась по мере успеха имперского (социалистического) строительства, роста внешнеполитического влияния и военной мощи страны, уменьшения доли русских в численности ее населения. Все это провоцировало недовольство, превращая русских из главной опоры империи в угрозу ее стабильности» [26, 277]. Не случайно еще в 1896 г. В.В. Розанов в одной из своих статей заметил: «Россия пользуется в самой России правами наименее благоприятствуемой державы» [21, 6-7]. В 1901 г. М.А. Миропиев, описывая по-

ложение инородцев в составе империи, пришел к выводу, что «политика предпочтения окраин центру ведет... к государственному разложению...» [18, 7].

Расширение Российской империи обеспечивало не только государственную безопасность, но и региональную (континентальную) стабильность [15, 29]. По мнению Н.А. Бердяева, «географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к созданию огромного государства. На русских равнинах неизбежно должен был сложиться великий Восток-Запад, объединенное и организованное целое» [2, 85].

Структура многонациональной Российской империи оставалась сложной и неоднозначной. Известный западный специалист А. Каппелер замечает: «Российская империя... не поддается определению с помощью таких ярлыков-штампов, как «российское унитарное государство», «православная империя» или «колониальная держава» [9, 119]. Некоторые окраины имели больше преференций (например, Великое княжество Финляндское), некоторые находились под особым, более жестким управлением (Кавказ, Средняя Азия). Управление окраинами во многом находилось в руках лояльных империи местных элит [29, 67; 17, 21].

Имперское освоение пространства чревато в итоге государственной деструкцией. Как отмечает В.В. Макаренко, «сутью имперской формы организации является неравномерность развития географического пространства при объективной взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Неравномерность развития приводит к тому, что прорывы на качественно новый уровень в области духа, вооружений или промышленности происходят локально, а затем стремительно распространяются вширь, сплывая окружающее пространство в империю. Но затем освоение периферией культурных и военно-политических новшеств готовит изживание имперской формы организации пространства» [13, 81].

Безусловно, империя изживает себя, когда провинции догоняют центр. Экономический аспект этой проблемы выступает как «противоречие между основной целью империи, состоящей в эксплуатации провинций в интересах господствующего народа, следовательно, в недопущении их самостоятельного развития сверх определенных границ, и реализацией этой цели, которая предполагает прогрессивное развитие произво-

дительных сил провинций, иначе неспособных быть экономическим и военным резервом империи» [10, 76]. Рано или поздно это развитие провинциальной экономики (и неизбежное при этом формирование новых групп интеллектуальной, культурной, профессиональной и экономической провинциальной элиты) приводит к гомогенизации экономического пространства империи, к исчезновению в нем структурных различий. Как отмечает О.В. Ситникова, «в результате выравнивания провинций и центра неэквивалентный обмен становится невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается» [22, 77].

С.Ю. Витте отмечал: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки проч.»¹.

Возвращаясь к вынесенной в название статьи проблеме, необходимо отметить, что главной движущей силой истории являются не классы, социальные группы и партии, а народы, сохраняющие внутреннее единство, несмотря на комплекс объективно существующих противоречий. «Дух народа» у Гегеля превращает безликие массы в способные к коллективному волеизъявлению группы людей [5, 55]. Этничность не только онтологична, она более фундаментальный фактор истории, чем экономика, культура и политика [26, 307].

Во второй половине XIX в. с подачи К. Маркса в общественной мысли господствовали представления о том, что классовые противоречия выше национального самосознания. Национальности считались пережитком капитализма, а потому – явлением, доживающим свой век: «национальные объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут... вследствие уничтожения их основы – частной собственности» [14, 360]. Такого мнения в национальном вопросе придерживались все наследники учения Маркса, от Л.Д. Троцкого, воскликнувшего: «Будь проклят

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5.

патриотизм», до В.И. Ленина, наметившего полюсу «самого резкого расхождения с патриотизмом» [11, 190]. Однако совершенно неожиданно XX век оказался веком неслыханно обострившегося национализма [28, 7]. В сборнике «Из-под глыб» А.И. Солженицын отметил: «Вперерез марксизму явил нам XX в. неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями» [24, 19].

Исторический опыт свидетельствует об опасности и бесперспективности борьбы с национальным самосознанием. В высшей степени это характерно для многонациональной России. В советский период так и не увенчалась успехом политика формирования «новой исторической общности людей – советского народа». Об этом свидетельствует распад СССР и образование СНГ. Выступая своеобразным аналогом американской концепции «melting pot» («плавильного котла»), политика советского интернационализма ставила своей целью создание в СССР новой государственно-гражданской (цивилизационной) идентичности за счет ослабления и даже элиминирования идентичности этнической, причем основной удар наносился именно по этнической идентичности русских – ключевого народа советской империи. Следствием этой политической стратегии стала катастрофическая деградация русского национального сознания: к концу 1980-х гг. русские были наиболее денационализированным среди всех крупных советских этносов.

Учитывая уроки исторического прошлого, главным принципом национальной политики современной России должен стать не интернационализм либо «добровольно-принудительная» русификация, а этнокультурная полифония. Нельзя забывать, что интеграционная политика России всегда опиралась на широкие слои местных сообществ, ориентированных на углубление связей с русским центром, освоение русского языка и русской культуры. В итоге для многих народов Россия стала не только государственным образованием на полиэтнической основе, но и идеей объединения, Родины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. 233 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 188 с.
3. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. С. 8-14.
4. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). Армавир – Славянск-на-Кубани, 1999. 176 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. 382 с.
6. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Панозна. М., 1848. Т. 1. 115 с.
7. Кабузан В.А. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990. 312 с.
8. Кабузан В.А. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. 267 с.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. М., 2000. 311 с.
10. Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда окраины догоняют центр // Восток. 1991. № 4. С. 76-83.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. 451 с.
12. Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994. – С. 125-134.
13. Макаренко В.В. Неравномерность развития создает империю, изживание неравномерности ведет к кризису // Восток. 1991. № 4. С. 79-93.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. 593 с.
15. Матвеев В.А. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Межнациональные отношения сегодня. (Сб. науч. тр.). Ростов н/Д; Донецк, 1994. 319 с.
16. Матвеев В.А. Отечество не только русских ... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 28-34.
17. Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дисс. ... к.и.н. Краснодар, 1996. 24 с.
18. Меровиц М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 67 с.
19. Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.) / Под ред. В.Г. Игнатов. Ростов-на-Дону, 2000. 239 с.
20. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. 119 с.
21. Розанов В.В. Кто истинный виновник этого? (Перепечатка из журнала «Русское обозрение» 1896 г.) // Русь. 1991. № 1. С. 5-11.

22. Ситкикова О.В. При выравнивании провинций и центра неэквивалентный обмен невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается // Восток. 1991. № 4. С. 71-86.
23. Смирнов А. «Свои» и «чужие» // Родина. 1995. № 7. С. 21-29.
24. Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания. Из-под глыб. Сб. ст. Париж. 1974. 329 с.
25. Соловей В. Русские против империи // Свободная мысль. 2002. № 12. С. 75-84.
26. Соловей В.Д. «Русский вопрос» и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику России (начало XVIII – начало XXI вв.). М., 2005. 348 с.
27. Цаголов Г. Край беспросветной нужды. (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912. 215 с.
28. Шафаревич И.Р. Сочинения: В 3 т. М.: «Феникс», 1994. Т. 2. 451 с.
29. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005. 355 с.
30. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. (Б/и: Екатеринодар, 1913). Краснодар, 1992. Т. 2. 671 с.
31. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом: В 2 т. Тифлис, 1907. Т. 2. 211 с.